

Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII века

Елена Марасинова

«Приговора к смертной казни и политической смерти не исполнять»

Хорошо известно, что за 20 лет правления императрицы Елизаветы Петровны, с 1741 по 1761 г., не было совершено ни одной смертной казни. Французский литератор и дипломат Ж. де Местр назвал «упразднение» смертной казни при Елизавете Петровне «ложным человеколюбием и признаком неполноценности нации»¹. Итальянский философ Ч. Беккариа был вдохновлён «знаменитым примером императрицы Московии» и через три года после её кончины опубликовал свой трактат «О преступлениях и наказаниях»². Екатерина II оценила эту заслугу «нашей тётки Елизаветы» выше «самых блистательных завоеваний», однако сделала исключение для случаев, «возмущающих народное спокойствие», и казнила поручика Мировича, участников Чумного бунта и восстания Пугачёва³.

Между тем подобный прецедент, уникальный не только для русской истории, но и для истории всех стран Нового времени, остаётся практически без научной интерпретации. Специалисты упорно довольствуются свидетельствами вездесущего кн. М. Щербатова, который писал о дворцовом перевороте 1741 г.: «Она при шествии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса Нерукотворенного обещалась, что если взойдет на прародительский престол, то во все царствование свое повелением ее никто смертной казни предан не будет»⁴. Эта легенда с теми или иными вариациями воспроизводится во всех работах, посвященных правлению Елизаветы Петровны. Однако исследование обстоятельств приостановки смертной казни и политической смерти в середине XVIII столетия содержит богатый материал для изучения самосознания императорской особы, каналов репрезентации власти, механизмов социального контроля, соотношения закона Божьего и закона государственного в представлениях современников. Кроме того, события, так или иначе связанные с этим сюжетом, обеспечены гораздо более широким кругом источников, чем обличающий трактат разгневанного князя.

© 2014 г. Е.Н. Марасинова

Благодарю за помощь в работе над темой статьи Е. Анисимова, Н. Болотину, Е. Кошелеву, С. Польского, Д. Сдвижкова.

¹ Письмо Жозефа де Местра Кавалеру де Росси. 1807, август; Письмо Жозефа де Местра Козловскому П.Б. // Жозеф де Местр. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 85, 282.

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 314–333.

³ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 62.

⁴ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М., 1984 (факсимильное издание). С. 55.

Указ, в соответствии с которым приостанавливалось исполнение экзекуций по делам колодников, приговорённых к смертной казни, политической смерти, а в отдельных случаях и к вечной ссылке, был опубликован 7 мая 1744 г. Канцеляриям следовало высылать в Сенат описания их дел и ждать дальнейших распоряжений. В сущности, беспрецедентное решение сформулировано было сдержанно, лишено толкований и сопровождалось лишь краткой ремаркой: «Усмотрено, что смертные казни и политическую смерть чинят не по надлежащим винам, а другим и безвинно»⁵.

Власть явно проявляла осторожность и как следствие неясность трактовок: с одной стороны, приказывалось «экзекуции не чинить», а с другой – количество смертных приговоров никак не регламентировалось, и они неизменно выносились на основании существующего законодательства. О провозглашённом моратории вообще мало кто был осведомлён даже в среде высшего сословия. Указ от 5 мая 1744 г. составила сама императрица в качестве заключения по поводу представленного ей доклада Сената, на тех же листах. Этот подлинник немедленно скрыли в секретной экспедиции, а в публичную экспедицию поступила копия, содержащая лишь Высочайшее распоряжение без замедления высылать экстракты дел колодников, приговорённых к высшей мере наказания. Именно эта копия без какого-либо упоминания о существовании спрятанного указа и была разослана в коллегии, канцелярии, губернии и провинции. Подготовку экстрактов для Высочайшей конфирмации поручили специально учреждённой при Сенате экспедиции во главе с секретарём И. Судаковым. Слушания по приговорам осуждённых на смертную казнь и политическую смерть проходили в строжайшей секретности: сенатские протоколисты на эти заседания не допускались, а посвящённого Судакова с канцеляристами экспедиции поместили в «особливой от публичных дел палате»⁶.

В свою очередь исполнение принятого, но так и не обнародованного моратория требовало постоянного контроля правительства и даже Высочайшего вмешательства в самые разнообразные судебные дела. Решение о приостановке смертной казни воспроизводилось с настораживающей регулярностью на протяжении всего царствования Елизаветы Петровны и обрастало всё новыми трактовками, пояснениями и толкованиями. Настойчивое повторение одного и того же указа свидетельствовало о сложностях, связанных с его реализацией, и о фактах нарушения, некоторые из них дошли до престола и нашли отражение в законодательстве.

Так, в 1749 г. киевский генерал-губернатор М.И. Леонтьев вынужден был донести в Сенат, что, вопреки изданному указу, в Запорожье повесили двух казаков, участвовавших в грабежах и разгромивших дом польского еврея-арендатора Шмолла. При этом кошевой атаман запорожского войска в рапорте сослался на некое, видимо, ему одному известное императорское распоряжение вершить смертную казнь и впредь, поскольку без этого «воровство и прочие шалости искоренить невозможно»⁷. Незадолго до этого сходная бумага пришла из Ревельской губернской канцелярии. Местные ландраты и магистрат просили Сенат не уничтожать их «древние справедливости» и сохранить

⁵ ПСЗ-I. Т. 12. № 8944. С. 114, 7 мая 1744 г.

⁶ РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 919, л. 99–100.

⁷ ПСЗ-I. Т. 13. № 9586. С. 25. 13 марта 1749 г. См. об этом также: Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Кн. XII. Т. 23–24. М., 1964. С. 40.

привилегию лишать жизни колодников безо всякой Высочайшей конфирмации ввиду увеличивающегося числа «злодеев», прокормить которых становится всё труднее⁸.

Позиция престола по поводу таких попыток ревизии законодательства оставалась непреклонной: на всей территории империи без исключения «осужденным к смертной казни и политической смерти экзекуцию не чинить, экстракты присылать в Сенат и ждать указа». Разумеется, никаких инструкций не поступало, Сенат был завален списками колодников, тюрьмы и места заключения переполнены, а смертные приговоры по-прежнему оставались лишь на бумаге. Власть же продолжала ревностно относиться к принятому закону, действовала на опережение и после присоединения новых земель немедленно направляла туда указы о приостановке или отмене смертной казни⁹. Мораторий распространялся даже на осуждённых по делам Тайной канцелярии и военных преступников. 31 мая 1744 г. Сенат разослал специальные предписания и в ведомство политического сыска, и в полковые лейб-компания и лейб-гвардии¹⁰.

В результате менее чем за десять лет с момента издания указа 1744 г. в Сенате скопилось 279 приговоров к смертной казни, ещё 3 579 дел, связанных с убийствами, воровством и разбоями, находились в производстве и ожидали конфирмации императрицы. «Колодники час от часу умножались, чинили[сь] утечки» и караульные не справлялись со своей должностью¹¹. Екатерина II также вспоминала о первых месяцах своего правления: «Тюрьмы были так наполнены колодниками, что хотя при смерти своей императрица Елизавета Петровна освободила до семнадцати тысяч колодников, однако при коронации моей 22 сентября 1762 года оных еще до восьми тысяч было»¹².

Не меньшие проблемы, правда, другого, терминологического плана, возникли и при реализации второй части знаменитой формулировки указа 1744 г. «о неисполнении приговоров к смертной казни и политической смерти». Если суть «натуральной смерти» была более или менее ясна и в Петербурге, и в провинциях, то сам термин «политическая смерть» вызвал глубокое недоумение на всех уровнях власти. Елизавета потребовала от Сената вопрос проработать и представить бумагу, где бы перечислялись законы, регламентирующие ритуал политической смерти и чётко фиксирующие преступления, за которые полагалось подобного рода наказание. Спустя некоторое время императрица получила ответ: «За какие вины политическая смерть и какая именно положена — точных указов не имеется»¹³.

Правда, во избежание монаршего гнева сенаторы всё же упомянули некоторые экзекуции, которые, с их точки зрения, можно было подвести под понятие «политическая смерть». Все эти казни объединялись рядом сходных

⁸ ПСЗ-I. Т. 12. № 9312. С. 583–584. 5 августа 1746 г.

⁹ См. именной указ 1794 г. «об истреблении пыток и смертных казней» в Литовских губерниях; именной указ 1801 г. об отмене смертной казни в Грузии и т.д. (ПСЗ-I Т. 23. № 17264. С. 576. 20 октября 1794 г.; Т. 25. № 18943. С. 622–623. 20 апреля 1799 г.; Т. 26. № 20007. С. 786. 12 сентября 1801 г.; и др.).

¹⁰ РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 919, л. 18–18 об.

¹¹ ПСЗ-I. Т. 13. № 10086. С. 817–819. 29 марта 1753 г. См. об этом также: *Анисимов Е.В.* Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб., 2004. С. 256.

¹² Собственноручная записка Екатерины II о первых годах её царствования // *Коваленский М.Н.* Хрестоматия по русской истории. Т. 3. М., 1917. С. 200–201.

¹³ ПСЗ-I. Т. 13. № 10087. С. 819–820. 29 марта 1753 г.

обстоятельств. Во-первых, они приходились на эпоху Петра Великого, с которой собственно и начиналась актуально переживаемая история для многих политиков и мыслителей елизаветинского правления. Во-вторых, данные экзекуции включали несколько общих процедур: «сказание смерти», «положение на плаху» и всемилостивейшее избавление от натуральной смерти. Однако перечень этот оказался далеко неполным, содержание дел и приговоров проанализировано не было, и самое главное – выбранные сенаторами примеры казней никогда «политической смертью» не именовались. По всей видимости, впервые это понятие появилось в русской правовой терминологии, явно не без западноевропейского лингвистического влияния, в громком деле знаменитого толмача Петра I, крупнейшего дипломата и вице-канцлера П.П. Шафирова.

«Казус Шафирова»

Вице-канцлер обвинялся в «упрямстве, учиненном против указов» на заседании Сената 31 октября 1722 г., когда рассматривался вопрос о почтах, находившихся под его управлением более 20 лет. По регламенту Шафиров как заинтересованное лицо должен был покинуть обсуждение, о чём ему и заявил обер-прокурор Г.Г. Скорняков-Писарев, потрясая доской с наклеенным на неё текстом соответствующего указа. Вспыльчивый барон, будучи сенатором, подчиняться не стал и остался на заседании, обругав Скорнякова, приспешника своего давнего противника А.Д. Меншикова, вором. Всемогущий временщик не остался в долгу, сцепился с Шафировым, а потом сопровождаемый Г.И. Головинным и Я.В. Брюсом покинул собрание. Оставшиеся в компании барона А.В. Голицын, М.В. Долгорукий и А.А. Матвеев готовы были продолжать слушания, но тут топнул ногой оскорблённый обер-прокурор, и заседание Сената закрылось. На беду, генерал-прокурор П.И. Ягужинский отсутствовал по делам государственной важности, а сам Пётр находится в тяжелейшем Персидском походе. Разумеется, до императора дошли известия о скандалах и потасовках среди сенаторов, оказавшихся вне непосредственного контроля со стороны главных персон. Петра, вероятно, особенно возмутило игнорирование государственных указов, опасное «сенатское несогласие», а также осквернение «чести судебного места надменной бранью».

Сентенция по делу столь крупной политической фигуры была показательной, поэтому без тщательно продуманной театрализации здесь не обошлось. Шафирова торжественно лишили голубой ленты и шпаги и приговорили к отсечению головы, припомнив и выданное сверх нормы жалованье брату Михаилу, и растрату казённых денег во время поездки во Францию, и, как водится, «еврейскую природу»¹⁴. Казнь была назначена на 15 февраля 1723 г. в Кремле, где напротив сенатской канцелярии специально установили эшафот¹⁵. Находившийся тогда в Москве голштинский дворянин Фридрих-Вильгельм Берхгольц

¹⁴ Кроме того, за Шафировым признавались и другие корыстные проступки, в частности: самовольное повышение почтовых такс; ловкое присвоение себе драгоценностей свояка Гагарина; обман полковника Воронцовского, у которого барон под видом займа взял в заклад деревню, а «денег не дал ничего» (См. об этом: *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, ведённый им самим в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год. Ч. 3. М., 1860. С. 28; *Соловьёв С.М.* Указ. соц. Кн. IX. Т. 17–18. М., 1963. С. 456–466).

¹⁵ РГАДА, ф. 248, д. 300, л. 271; см. также л. 263–266, 267–270 об.

записал: «Около 7-ми часов утра поехал я в Кремль. Вокруг эшафота стояло бесчисленное множество народа. Когда виновного на простых санях привезли из Преображенского приказа, ему прочли его приговор и преступления. После того с него сняли парик и старую шубу и возвели на возвышенный эшафот, где он стал на колена и положил голову на плаху; но прислужники палача вытянули ему ноги, так что ему пришлось лежать на своём толстом брюхе. Затем палач поднял вверх большой топор, но ударил им возле, по плахе, – и тут Макаров от имени императора объявил, что преступнику во уважение его заслуг даруется жизнь»¹⁶.

Смерть прошла совсем рядом с Шафировым, по всей видимости, навсегда опалив его сердце. Оглушённый, со слезами на глазах он с трудом сошёл с эшафота, не обращая внимания на поздравительные возгласы, и лишь когда ему пустили кровь, промолвил, что лучше уж вскрыть вены, чтобы разом покончить с мучениями. Столь мрачная эквилибристика жизнью и смертью одного из первых лиц в империи потрясла и всех присутствующих. Кто-то сожалел об этом, как искренне замечает Берхгольц, «очень честном человеке», кто-то тянул к нему руки с поздравлениями, кто-то строил догадки по поводу наказаний других участников скандала в Сенате. Государь же был очень мрачен, никого не принимал, скрылся в одной из комнат и даже обедал один¹⁷.

Казус Шафирова практически впервые в русском законодательстве был назван «политической смертью». С тех пор подобные экзекуции, практиковавшиеся в судопроизводстве и ранее, ретроспективно получили конкретное терминологическое оформление. После виртуальной расправы с первым кабинет-министром А.И. Остерманом, «положением» его на плаху и последующим помилованием в 1742 г., термин «политическая смерть» прочно укрепился в текстах законодательных актов и употреблялся, как правило, вместе с понятием «смертная казнь». При этом в ситуации моратория на высшую меру наказания значение политической смерти, а также чёткого понимания её процедуры и обряда особенно возрастало.

«Натуральная смерть» и её имитация

Не далее как летом 1743 г. вопрос о соотношении этих двух видов столь зловещих приговоров встал уже в дипломатическом контексте. Шли последние недели затянувшихся переговоров в ходе реваншистской русско-шведской войны, однако так и не позволившей Стокгольму пересмотреть условия Ништадтского мира. Международные амбиции России были уже не столь высокими, а положение императрицы, недавно взойшедшей на престол в результате дворцового переворота, не столь прочным, как у её венценосного отца 20 лет назад. Любая политическая оплошность могла привести к срыву подписания «Уверительного акта»¹⁸, поэтому Елизавета Петровна была весьма разгневана, когда получила от главнокомандующего П.П. Ласси донесение о случаях мародёрства и даже убийства мирных шведских подданных русскими солдатами. Ситуация усугублялась тем, что, по всей вероятности, пострадали

¹⁶ Берхгольц Ф.-В. Указ. соч. Ч. 3. С. 28.

¹⁷ Там же. С. 28–29; Бердников Л.И. Евреи государства Российского (XV – начало XX в.): Литературные портреты. М., 2009. С. 82–84.

¹⁸ См. об этом: Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. XI. Т. 21–22. М., 1963. С. 222–223; Писаренко К.А. Абоский мир 1743 года // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 106–113.

даже не шведы, а финны, которым Елизавета за нейтралитет во время военных действий обещала спокойствие и поддержку в борьбе за суверенное государство. Решение о неприменении смертной казни приходило теперь в противоречие не только с приговором главнокомандующего, но и с дипломатическими расчётами.

Выход был найден в сфере терминологии: в обращении к шведскому канцлеру использовалось туманное понятие «политическая смерть». Спустя несколько дней императрица писала главнокомандующему: «Господин генерал-фельдмаршал, по сентенции приговорено убийцев и грабителей всех колесовать, а капрала и ефрейтора, которые оных для добычи отпускали, расстрелять... на оное наша резолюция сия есть: хотя они и достойны за свое злодейство по Закону Божию и по правам государственным наижесточайшей смертной казни, однако мы, от милосердия нашего, смерти предать их не хотим... и о том вы от себя к графу Шленбургу отпишите, что мы таким преступникам никакого упущения чинить не велим, а что их смертью казнить не велели, то объяви, что мы всякие смертные преступления не натуральною, но политическою смертью наказывать устави́ли»¹⁹. Попыталась Елизавета смягчить оскорблённые чувства не только канцлера К. Шленбурга (Гилленборга), но и местных жителей, приказав наказать преступников «там же, где они то злодейство учинили, при шведских депутатах, которым, отыскав, все пограбленное отдать»²⁰.

Сама сентенция была рассчитана на её публичный характер и в целом соответствовала приговорам, предусмотренным Соборным уложением: «Настоящим убийцам отсечь по правой руке и, вырезав ноздри, послать в вечную работу, а капрала и ефрейтора бить кнутом и, вырезав ноздри, тако ж вечно в работу послать в Сибирь, а которые то грабленное принимали, тех шпицрутен гонять и на три года в каторжную работу послать»²¹.

Данный указ от 2 августа 1743 г., не вошедший, кстати сказать, в Полное собрание законов, остался бы без особых последствий, если бы не «терминологический реверанс» в сторону шведского канцлера. Но упоминание о «политической смерти», которая заключалась в отсечении правой руки и заменяла собой смертную казнь, породила проблемы в сфере реализации уголовного законодательства в XVIII в., искажение в наименовании законов во время кодификации и, наконец, ошибочные выводы в историографии, интерпретирующей мораторий на смертную казнь в царствование Елизаветы.

Во-первых, указ, рассчитанный на дипломатический резонанс и связанный с конкретным фактом мародёрства на чужой территории во время мирных переговоров, явно приходил в противоречие с общим мораторием и на политическую смерть, и на смертную казнь. Кроме того, форма публичного наказания бесчинствующих солдат русской армии, представленная в данном указе как политическая смерть и сводящаяся к отсечению правой руки, не соответствовала уже существующему обряду «сказания смерти и положения на

¹⁹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. II. СПб., 1902. С. 972–973; РГАДА, ф. 248, оп. 105, д. 8321, л. 262–263 об.; ф. 248, оп. 113, д. 919, л. 1–4; Сенатский архив. Т. 5. СПб., 1892. С. 651.

²⁰ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 972–973.

²¹ Там же; РГАДА, ф. 248, оп. 105, д. 8321, л. 262–263 об.; ф. 248, оп. 113, д. 919, л. 1–4; Писаренко К.А. Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743–1744 гг. // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. XVIII. М., 1991. С. 33, 45–46.

плаху». Во-вторых, единственный раз, в 1743 г., промелькнувший в законах тезис о замене смертной казни политической смертью переключался в указ от 29 марта 1753 г. в результате поиска сенаторами всех случаев упоминания данного термина, и, наконец, определил название указа от 30 сентября 1754 г. уже в процессе кодификации в XIX в.²² В-третьих, исходя из данного ошибочного определения основного смысла указа в Полном собрании законов Российской империи, некоторые исследователи делали неправомерный вывод о существовании в годы правления Елизаветы Петровны практики замены смертной казни политической смертью²³.

В действительности же натуральная смерть и инсценировка вынесения смертного приговора расценивались как почти равнозначные высшие меры наказания, на которые и накладывалось запрещение вершить без санкции Сената и Высочайшей конфирмации. Более того, смерть и её публичная имитация настолько тесно сливались в формулировках сентенций, что неизбежно возникал некий терминологический конфликт и потребность в более чётких определениях. Проблема дефиниций усугублялась ещё и тем, что приговоры к смертной казни и политической смерти должны были оставаться на бумаге. Отчасти поэтому сенаторы избирали путь введения очевидных визуальных отличий помилованных преступников.

Весной 1746 г. на имя императрицы поступил доклад за подписью И.Ю. Трубецкого, А.И. Ушакова, А.Б. Куракина, А.И. Румянцева, А.Б. Бутурлина, И.И. Бахметева, П.И. Шувалова и А.Д. Голицына, где предлагалось: «Подлежащи[м] к натуральной смертной казни, чиня жестокое наказание кнутом и вырезав ноздри, поставить на лбу “в”, а на щеках на одной “о”, а на другой “р”», а осуждённым на политическую смерть «чинить наказание кнутом с вырезанием ноздрей». После казни все заклеимённые преступники в кандалах должны отправляться «в вечную тяжёлую и всегдашнюю работу». В докладе в общих чертах прописывался и обряд политической смерти: «Если кто положен будет на плаху или взведён будет на виселицу, а потом объявлена им будет Её Императорского Величества милость»²⁴. Однако статус закона получили лишь некоторые нововведения сенаторов и то с «орфографическими коррективами». 9 июня 1746 г. был издан именной указ «О клеймении воров, разбойников и прочих уголовных преступников словом “вор”, означая на лбу “во”, на правой щеке “р”, а на левой – “ъ”»²⁵. Речь, разумеется, шла только о несмыслимом позоре и бессмысленности любого побега осуждённых на смертную казнь. Судьба приговорённых к политической смерти, как и содержание

²² Несмотря на то, что в указе 30 сентября 1754 г. ни слова не говорится о замене смертной казни политической смертью, название этого указа даётся в историографии по Полному собранию законов Российской империи: «О ревизии уголовных дел по разным ведомствам, и о подтверждении указа 1753 года июня 18, о замене смертной казни политической, с объяснением, что почитать сею казнию и что наказанием» (Ср.: Указ её императорского величества самодержицы всероссийской: из Правительствующего Сената [30 сентября 1754]. [СПб.] Печатан по определению Правительствующего Сената при Императорском Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 22 апр[еля] 1776 (ПСЗ-И. Т. 14. № 10306. С. 235–236).

²³ См., например: Смерть политическая // Брюкгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб. Т. XXX^А. С. 523–524; Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008. С. 556.

²⁴ РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1023, л. 11–16 об.

²⁵ ПСЗ-И. Т. 12. № 9293. С. 558. 9 июня 1746 г. В 1754 г. вернулись к более рациональному варианту «вор» без «ъ» (ПСЗ-И. Т. 14. № 10306. С. 235. 30 сентября 1754 г.).

самого понятия, оставались пока без Высочайшей конфирмации. Доклад подносился Елизавете Петровне ещё несколько раз, в 1746 и 1750 гг., но лишь в 1753 г. получил императорскую резолюцию²⁶.

В исследовательской литературе высказывается предположение, что самодержица хранила молчание несколько лет, так как терпеливо выжидала, когда несколько смягчится позиция сенаторов, стремящихся «компенсировать “натуральную смерть” увеличением физических мучений»²⁷. Однако решение, касающееся страшной отметки «вор», было принято незамедлительно. А из текста доклада следует, что, напротив, его авторы предлагали не калечить преступников, как указывалось в распоряжении генералу Ласси периода русско-шведской войны, а использовать их труд, причём не столько из христианской жалости, сколько из прагматичного расчёта. «Сенат приемлет смелость всеподданнейше донести, что [ежели] отсечь по правой руке и, вырезав ноздри, ссылатъ в вечную работу, [то] такие безрукие ни к каким уже работам действительны быть не могут, но токмо туне получать себе будут пропитание»²⁸.

Наконец, в 1753 г. было дано более развёрнутое толкование политической смерти, которое, однако, ограничивалось описанием уже известного ритуала и наказанием, заменяющим вынесенный приговор. «Сенат рассуждает: политическою смертью должно именовать то, ежели кто положен будет на плаху или возведен будет на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей или хотя и без всякого наказания, только вечной ссылкой[ой]»²⁹. Кажущаяся противоречивость данной трактовки заключалась в том, что приговоры к политической смерти оставались без приведения в исполнение, а кнут, вырезание ноздрей и ссылка за «воровство и разбой» применялись повсеместно без каких-либо докладов в Сенат и политической смертью не считались. Таким образом, под ту или иную форму Высочайшего запрета попадала не только смертная казнь, но и её инсценировка, практически приравниваемая мораторием к смертной экзекуции по тяжести наказания.

Однако если вопрос о политической смерти был для сенаторов и императрицы всё же вопросом терминологии и судебной теории, то собственно приостановка смертной казни оказалась и практической, и более общей, мировоззренческой, проблемой. Прежде всего возникла неопределённость – что делать с увеличивающимся количеством татей, душегубов, фальшивомонетчиков и прочих «злодеев», которые, ожидая своей участи, требовали бдительной охраны и немалого «иждивения». Указ о приостановке смертной казни был подписан, но все приговоры оставались и без Высочайшей конфирмации, и без изменения меры наказания. В марте 1746 г. Сенат доносил, что получено уже 110 сведений об убийцах, 169 экстрактов по поводу воровства, разбоя и других вин, 151 человек осуждён на вечную каторгу. Обрисовав ситуацию, сенаторы сами же и предложили императрице выход: «Всех вышеписанных ссылатъ для работы в Рогервик»³⁰.

²⁶ РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1023, л. 33–34.

²⁷ См., например: *Писаренко К.А.* Секретные протоколы Сената... С. 33–50.

²⁸ РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1023, л. 14–16 об.

²⁹ ПСЗ-I. Т. 13. № 10087. С. 819–820. 29 марта 1753 г. Доклад Сената был подтвержден императрицей и подтвержден спустя год. См. также: ПСЗ-I. Т. 14. № 10101. С. 838–839. 25 мая 1753 г.; № 10306. С. 235–236. 30 сентября 1754 г.; РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1023, л. 14–16 об., 38–40.

³⁰ Сенатский архив. Т. 6. СПб., 1893. С. 642–643.

«Ржаной остров» Рогервик

«Ржаным островом» называли шведы редко замерзающую бухту в 50 км от Ревеля, которая в ходе Северной войны отошла к России. Пётр шесть раз посещал Рогервик, сам лично производил замеры глубины дна в гавани и принял решение строить здесь порт, а для защиты залива соорудить каменную насыпь от острова до материка. В 1718 г. император лично присутствовал при закладке мола и крепости на берегу. Руководить работами было поручено потомку выходцев из Шотландии инженер-майору И.Л. Люберасу, а вот первыми строителями в условиях отсутствия моратория на смертную казнь стали угрюмые и неподатливые, но в целом безобидные и, разумеется, бедные бородачи и раскольники. В 1722–1723 гг. вышли два именных указа «о ссылке в Рогервик не желающих брить бороды и не имеющих, чем заплатить штрафа» и «о посылании раскольников вместо Сибири в Рогервик на вечную работу»³¹. Число колодников, дробящих скалы и таскающих неподъёмные глыбы к морю, достигало иногда 3 тыс.³² Стройка продолжалась, но судьбы этих гонимых за веру и традиции предков каменотёсов не отпускали всемогущего императора-реформатора. В последних указах умирающего самодержца от 26 и 27 января 1725 г. повелевалось освободить всех колодников, кроме убийц и грабителей, чтобы они молились Богу об облегчении скорби Его Величества³³. 28 января Петра не стало. 30 января императрица Екатерина Алексеевна, видимо, заботясь о душе усопшего венценосного супруга, ещё раз подтвердила амнистию осуждённым за нетяжкие преступления³⁴.

Монаршее милосердие и проявление христианской духовности на престоле, конечно, трогательно, но Рогервик опустел, и порт стало возводить некому. По докладу Любераса, в 1726 г. в крепости оставалось только 450 человек, из которых 150 вскоре перевели на серебряные рудники в Нерчинск. К 1746 г. Сенат обнаружил, что на острове «кроме мастеровых 10 человек никого нет и зачатое там строение не производится, плиты за долгим лежанием от мокроты и ненастья пришли в негодность, а мулия, сделанный тяжким трудом каторжных невольников, [почти весь] явился под водою»³⁵. Обрисовав все представляющиеся выгоды содержания деревянного флота в почти незамерзающей защищённой бухте с солёной водой³⁶, сенаторы предложили Елизавете Петровне возобновить работы в рогервикской гавани.

Доклад Сената императрица получила в марте 1746 г., а уже в июле лично посетила Рогервик, где были запланированы показательные манёвры 32 воен-

³¹ ПСЗ-I. Т. 6. № 4041. С. 725. 28 июня 1722 г.; № 4109. С. 782. 15 октября 1722 г.; Т. 7. № 4256. С. 86–87. 28 июня 1723 г.

³² См. об этом, например: Сенатский архив. Т. 6. С. 639.

³³ ПСЗ-I. Т. 7. № 4638. С. 408. 26 января 1725 г.; № 4642. С. 409–410. 27 января 1725 г.

³⁴ См.: Там же. № 4645. С. 411–412. 30 января 1725 г., а также другие указы Екатерины I, облегчающие положение колодников, «кроме обвинённых по первым двум пунктам, в смертоубийствах и неоднократных разбоях»: ПСЗ-I. Т. 17. № 4655, 4968, 4970, 4985 и др.

³⁵ Сенатский архив. Т. 6. С. 639–642.

³⁶ Датский пастор Педер фон Хавен, путешествовавший по России, также отмечал преимущества бухты Рогервик и губительные недостатки кронштадтского порта: «Сколько строилось новых кораблей, столько же из старых каждый год приходило в негодность. Главной причиной тому считали особенность воды в этой гавани, вот почему работы по устройству новой гавани, начатые императором Петром Первым, опять возобновлены» (Хавен П. Путешествие в Россию // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 305).

ных судов, не состоявшиеся, правда, из-за отсутствия попутного ветра. Елизавету Петровну сопровождал Двор, представители знатнейших дворянских фамилий, наследник престола и его супруга вел. кн. Екатерина Алексеевна. Молодая немецкая принцесса разбила все ноги о скалистую поверхность острова и была, пожалуй, единственной из свиты, кто в своих записках обратил внимание на колодников рогервикской гавани. «Почва этого местечка каменистая, – вспоминала Екатерина, – покрытая густым слоем мелкого булыжника... Мы стояли здесь лагерем и должны были ходить по такому грунту в течение нескольких дней; у меня ноги болели потом целых четыре месяца. Каторжники, работавшие на моле, носили деревянные башмаки, и те не выдерживали больше восьмидесяти дней»³⁷.

После посещения Елизаветой Петровной Рогервика число этих «каторжников, работавших на моле», стремительно увеличилось³⁸. Со всей России, кроме Сибирской, Астраханской и Оренбургской губерний, потянулись колодники, осуждённые на смертную казнь и политическую смерть³⁹. Правда, мусульман, «трухменцев, калмык и прочих», закованных в ручные и ножные твёрдые кандалы под присмотром «надлежащего конвоя», гнали в Рогервик и из Астрахани и Оренбурга⁴⁰. Женщины, повинные в тяжких преступлениях, в каменотёсы не гонимы и поэтому отправлялись в Сибирь⁴¹.

Публика на строительстве гавани, по сравнению с петровскими временами, изменилась. Теперь большинство составляли не сумрачные бородачи и раскольники, а смертные убийцы, разбойники и изготовители фальшивых векселей. Охрана каторжных была делом и опасным, и очень тяжёлым, поскольку несение караула заключалось для офицеров и солдат в постоянном присутствии на молу в дождь, ветер и снег. По случаю знаменитому А. Болотову пришлось в 1755 г. в течение месяца нести вахту на острове Рогервик. «Честное или злодейское собрание», которое ежедневно должен был перекликать по списку будущий мемуарист, поразило его своим многообразием и ярким подтверждением пословицы, что от сумы да от тюрьмы в России зарекаться не стоит. «Были тут, – вспоминает Болотов, – [люди] всякого рода, звания и чина: знатные, были дворяне, были купцы, мастеровые, духовные и всякого рода подлость... кроме русских были тут люди и других народов, были французы, немцы, татары, черемисы и тому подобные»⁴². Чьи только судьбы не пересеклись с островом

³⁷ Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859. С. 50 (В петербургском издании 1907 г. этот сюжет отсутствует, ср.: Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 92–93). См., например, воспоминания о посещении двором острова Рогервик в 1746 г.: *Jetze F.Ch. Statistische Politische und galante Anekdoten von Schweden, Lief- und Rußland. Liegnitz, 1788. S. 92–97 etc.*; Императрица Елизавета Петровна в Ревеле в 1746 г. // Русская старина. 1885. Т. 46. № 5. С. 417–420; Поездка императрицы Елизаветы Петровны в Эстляндскую губернию. 1746 // Русский архив. 1895. Кн. 3. Вып. 9. С. 5–12 и проч.

³⁸ Только в 1751 г. «определённых в рогервикскую работу колодников в присылке [было] около 2 000 человек» (ПСЗ-I. Т. 13. № 9871. С. 462–463. 31 июля 1751 г.; № 9872. С. 463–464. 31 июля 1751 г.).

³⁹ См., например: ПСЗ-I. Т. 13. № 9943. С. 609. 23 февраля 1752 г.; Т. 14. № 10541. С. 551–552. 12 апреля 1756 г.

⁴⁰ Сенатский указ об отсылке в Рогервик содержащихся в Оренбургской и Астраханской губерниях тяжких преступников: трухменцев, калмыков и прочих магометян (ПСЗ-I. Т. 14. № 10764. С. 795–796. 24 сентября 1757 г.).

⁴¹ Сенатский указ о неотправлении в Рогервик женщин, осуждённых к смертной казни; и об отсылке их в Сибирь на житьё (ПСЗ-I. Т. 13. № 9911. С. 543–544. 28 ноября 1751 г.).

⁴² Болотов А.Т. Записки. СПб., 1870. Русская старина: приложение. Т. 1. С. 341–342.

Рогервик. Руководил инженерными работами в самый разгар строительства порта и мола, с 1752 по 1762 г., А.П. Ганнибал; а каторгу здесь отбывали и восставшие башкирцы, и шут Петра И. Балакирев, и С. Юлаев с отцом, и лихой Ванька Каин⁴³.

Осуждённые, избежавшие смертной казни и политической смерти, были обречены на мучения и довольно скорую кончину. «Каторжных водили на работу окружённых со всех сторон непрерывным рядом солдат с заряженными ружьями, – продолжает Болотов, – собственное жилище их построено в превеликом остроге, посреди которого огромная связь, разделенная внутри на разные казармы. Сии набиты полны злодеями, которых в мою бытность было около тысячи... Все без изъятия они закованы в кандалах, и многие имеют двойные и тройные железа»⁴⁴. С 1753 по 1756 г. на остров Рогервик прибыли 13 242 арестанта, из них умерли 13 101⁴⁵. Так мораторий на смертную казнь превращался в отсроченную на несколько месяцев гибель.

Между тем в годы правления Елизаветы Петровны рогервикская каторга имела важную функцию колоссальной тюрьмы в условиях твёрдо проводимой императрицей приостановки исполнения приговоров к высшей мере наказания. И хотя, казалось бы, практическая сторона дела была урегулирована, подспудное противоречие между политической элитой и властью в вопросе о смертной казни оставалось.

«Сенат великое опасение имеет»

Недоумение сенаторы высказали осенью 1743 г. сразу же после послания императрицы фельдмаршалу Ласси, в котором она распорядилась поставить Стокгольм в известность о замене в России смертной казни на политическую смерть даже за такие страшные преступления, как обиды шведским подданным. Настойчивость Елизаветы, которая отчётливо проявилась в собственноручном Высочайшем указе, написанном прямо на докладе Сената, о приостановке экзекуций колодникам в мае 1744 г., ещё более накалила страсти.

Сенаторы попытались урезонить императрицу и выдвинули сразу несколько аргументов против моратория на смертную казнь. Во-первых, они полагали, что число всех этих оставленных в живых воров, разбойников, убийц и фальшивомонетчиков будет неуклонно расти. Армию преступников крайне сложно удержать в повиновении, начнутся побег, наказания несчастных караульщиков и разорение порядочных подданных. Во-вторых, сами эти подданные, увидев безнаказанность, будут склонны к злодействам, а войска к непослушанию. Наконец, по мнению сенаторов, пагубное милосердие шло вразрез с традицией русского законодательства и особенно со строгими государственными установлениями «родителя» царствующей государыни, «блаженного и вечно достойного памяти Петра Великого», который «смертные вины» карал жестокими казнями. Прибегли сановники и к такому аргументу, значимому, с их точки зрения, для «весёлой императрицы», как трудоёмкость личного заслушивания докладов по каждому преступнику – «никак время к

⁴³ См., например: ПСЗ-I. Т. 14. № 10705. С. 742–743. 18 марта 1757 г.; Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. IX. Т. 17–18. М., 1963. С. 539; Анисимов Е.В. Толпа героев XVIII века. М., 2013. С. 297; и др.

⁴⁴ Болотов А.Т. Указ. соч. С. 341–342.

⁴⁵ См. об этом, например: История пролетариата СССР. 1933. № 13–16. С. 179.

тому доставать не будет, а колодники час от часу будут умножаться». В результате они робко предложили представлять на Высочайшее рассмотрение только дела осуждённых на смертную казнь, а политическую смерть вершить, как прежде, на уровне губерний и провинций. На все эти многостраничные протоколы императрица ответила одним распоряжением – чётко определить понятие «политическая смерть» и указать, «за какие вины положена», экзекуции же не вершить⁴⁶.

Таким образом, мнение правящей элиты в самодержавной России с лёгкостью игнорировалось, а мораторий на смертную казнь и политическую смерть был установлен и неукоснительно исполнялся. Однако противоречия, скрытые за верноподданнической стилистикой сенатских докладов, отчётливо проявились при составлении так и не завершённого текста нового уложения.

В августе 1754 г. по представлению П.И. Шувалова за «сочинение ясных и понятных законов» заседала специально созданная при Сенате комиссия⁴⁷ в составе генерал-майора И. Дивова, вице-президента Юстиц-коллегии Ф. Эмме, обер-секретаря Сената А. Глебова, коллежского асессора В. Ляпунова, бургомистра главного магистрата И. Вихляева, главного судьи Сысского приказа Н. Безобразова и главного судьи Судного приказа И. Юшкова, а также профессора Академии наук Ф.Г. Штрубе де Пирмонта. Все эти «законотолкователи и законоискусники» получили в помощь опытных канцеляристов, а также средства из штатс-конторы на бумагу, чернила, сургуч, дрова и свечи. Им предстояло написать проект будущего уложения, включающий четыре части – «о суде», «о различных состояниях подданных», «о движимом и недвижимом имении», «о казнях, наказаниях и штрафах»⁴⁸. Через год были готовы две наиболее проработанные, с точки зрения комиссии, части – «судная» и «криминальная». Однако, по всей видимости, воск и перья тратились впустую: Елизавета до 1759 г. хранила молчание по поводу представленного ей проекта, затем приказала исправить текст и закончить две другие части. Комиссия была усилена сенаторами Р. Воронцовым и М. Шаховским⁴⁹, и в роковом для императрицы 1761 г. в её руках оказался труд в виде рукописи, призванной обратить высочайшее внимание на действительно тщательное исследование вопроса и включающей «прежней комиссии рассуждения» и то, что «ныне комиссией рассуждено»⁵⁰.

Однако, на первый взгляд, в статьях присутствовала лишь преемственность с Соборным уложением, Воинскими артикулами, Морским уставом, Генеральным регламентом, с одной стороны, и обнаруживалось полное забвение всех указов правящей императрицы, касающихся смертной казни и политической смерти, – с другой. После десятилетия практически существующего моратория на исполнение подобных приговоров сфера действия высшей меры наказания

⁴⁶ РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 919, л. 1–4, 5 об., 10–10 об.; д. 1023, л. 14–16 об.; Сенатский архив. Т. 5. СПб., 1892. С. 651; Т. 6. С. 62, 642. См. об этом также: *Писаренко К.А.* Секретные протоколы Сената... С. 33, 44–48.

⁴⁷ В целом о работе комиссии см. подробнее: *Омельченко О.А.* Законная монархия Екатерины Второй: просвещённый абсолютизм в России. М., 1993. С. 39–53.

⁴⁸ См., например: ПСЗ-I. Т. 14. № 10283. С. 201–209. 24 августа 1754 г.

⁴⁹ ПСЗ-I. Т. 15. № 11335. С. 793. 29 сентября 1761 г. Место выбывших А.И. Глебова, И.И. Вихляева и Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта заняли А.П. Квашнин-Самарин и А.М. Еропкин.

⁵⁰ Правка вносилась в эти части проекта уложения и после смерти Елизаветы Петровны при новом императоре Петре III.

была расширена, а сама процедура казни стала более жестокой. По проекту лишались жизни не только разбойники, душегубы и фальшивомонетчики: на плаху можно было угодить за кражу свыше 40 руб., любую третью кражу, ввоз медных денег из-за границы, ограбление могил, повреждение чужого здоровья через корни, а также за умышленное недоведение до сведения подданных губернаторами или воеводами указов, объявленных во всеобщее известие, и т.д.⁵¹ Иными словами, смертная казнь провозглашалась единственной или максимальной санкцией за огромный спектр деяний: преступления против веры, церкви, власти, порядка, за убийства, грабежи, разбои, воровство, контрабанду, колдовство, блуд, соучастие, доношительство и т.д.

Способы лишения преступников жизни также не свидетельствовали о гуманизации уголовного права. Члены комиссии в этом вопросе проявили особую изобретательность и воспроизвели самые разные формы смертных экзекуций: помимо банального отсечения головы, преступника можно было четвертовать, повесить за ребро, сжечь, залить горло свинцом и даже разорвать пятью запряжёнными лошадьми на пять частей⁵², что вообще являлось новшеством для русской традиции⁵³.

Между тем в данном контексте проект нового уложения нельзя считать какой-то своеобразной формой законотворческой фронды сенатской комиссии. Ведь во время правления Елизаветы Петровны речь шла не о смягчении уголовного законодательства, а о правиле обязательной Высочайшей конфирмации всех приговоров к смертной казни и политической смерти, которое, кстати, вообще не было доведено до сведения большей части подданных. Что же касается собственно подтверждения приговора, то авторы резонно предложили снизить уровень, на котором окончательно провозглашались сентенции, и подойти дифференцированно к личности преступников. Иными словами, предлагалось судьбу колодников, принадлежащих к дворянству и купечеству первой гильдии, решать на уровне Сената, а дела «подлых и бесчиновных злодеев» рассматривать не выше губернии или, в крайнем случае, Юстиц-коллегии. В том, что конфирмация последует, у комиссии сомнений не возникало, поэтому «без всяких отлагательств» осуждённым предназначались две недели покаяния, причастие и на другой день казнь, правда, не в городе, но «в пристойном публичном месте» недалеко от города⁵⁴, а также публикация во всенародное известие о винах преступника и самой экзекуции⁵⁵.

Очевидно, что именно здесь прагматика данного подхода шла вразрез с мировоззренческим оттенком указов императрицы, подразумевавшим запрет без Высочайшей конфирмации вершить смертную казнь и политическую смерть

⁵¹ Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов (новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены) / Под. ред. А.А. Востокова. СПб., 1882. С. 120–121, 143–144, 148, 171 и др.

⁵² Такая страшная казнь, по мнению авторов первого варианта проекта, следовала за «злое дело на дражайшее здоровье» императора. Во втором варианте разрывание на пять частей великодушно заменили четвертованием (Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов... С. 76).

⁵³ Колесование предполагалось, например, за убийство в присутствии императора, грабителя вешали за ребро, изготовители фальшивых денег по обычаю получали в горло расплавленный свинец, а поджигателей и доношителей на них, соответственно, сжигали и проч. (Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов... С. 68–69, 76, 92, 103–106, 111, 137–143, 143–144 и т.д.). Странно, что авторы упустили «посажение на кол» и «окопание в землю».

⁵⁴ Как пелось в знаменитой песне: «Я за то тебя, детинушка, пожалуй среди поля хоромами высокими — что двумя столбами с перекладиной».

⁵⁵ Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов... С. 54–57.

за любые преступления, совершённые любым человеком без различия чинов и достоинства, о чём свидетельствовал и социальный состав сосланных на ро-гервикскую каторгу.

Ситуация с подготовкой уложения и позицией Елизаветы Петровны выглядит ещё более невероятной, если учесть, что перед началом работы комиссии над второй редакцией проекта кабинет-министр А. Олсуфьев словесно объявил, что «Ее Императорское Величество Высочайше повелеть соизволила в оном новосочиняемом уложении за подлежащие вины смертной казни не писать»⁵⁶. После этого последовали указы о выборе в городах дворян и купцов для «слушания новосоставленного уложения»⁵⁷. Таким образом, предметом публичного обсуждения мог стать вопрос не просто о моратории на смертную казнь и политическую смерть, а о принципиальном изменении уголовного права. Однако исправленный вариант проекта мало чем отличался от первоначального, практически ужесточающего применение высшей меры даже по сравнению с петровским законодательством, если не считать великодушную замену разрывания осуждённого пятью лошадьми четвертованием. Сейчас становится ясно, что императрица не уступила бы, и лишь её кончина прервала невиданное в России противостояние самодержца и политической элиты по поводу гуманизации наказаний за тяжкие преступления.

«Знаменитый пример императрицы Московии»

Таким образом, в середине XVIII в. в Российской империи более 20 лет неукоснительно соблюдался мораторий на смертную казнь. Предположение, высказанное Щербатовым, о клятве императрицы перед иконой Спаса не лишать ни одного подданного жизни, обошло все учебные пособия и исследовательские труды, было принято на веру и не получило научных комментариев. Между тем отношение власти, политической элиты и в целом современников к смертной казни является важной характеристикой состояния умов в обществе.

В данном случае, во-первых, налицо очевидные коллизии сознания отдельной личности. В отчаянных жизненных ситуациях человеку свойственно обращаться к Богу и надеяться на чудо, когда, кажется, никто не может помочь и ничто не может спасти. В зависимости от индивидуального опыта, религии, глубины собственных духовных переживаний эти иррациональные «договорённости» со Всевышним могут облекаться в самые неожиданные формулировки⁵⁸. Обещание, данное проповеднику из Иудеи, вполне укладывалось в русскую теремную набожность Елизаветы Петровны, «не желающей интересной прибылью от врагов Христовых». По всей видимости, она действительно взяла на себя определённые обязательства перед своим Богом, при условии, что он обеспечит удачный гвардейский переворот. Как известно, переворот удался, и нужно было платить по счетам.

⁵⁶ РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 41, ч. 6, л. 15. См. об этом: *Сергеевский Н.Г.* Предисловие // *Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов...* С. XIV; *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 973; *Омельченко О.А.* Указ. соч. С. 42.

⁵⁷ См.: ПСЗ-I. Т. 15. № 11335. С. 792–794. 29 сентября 1761 г.; № 11378. С. 862–863. 8 декабря 1761 г.

⁵⁸ Хорошо известно, что А.А. Сквозник-Дмухановский сулил вполне конкретные материальные подношения: «Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой ещё никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой».

Все эти курьёзы религиозного чувства так бы и остались сокровенным опытом отдельной личности, если бы этой личностью не была императрица, властвующая в самодержавной Российской империи. С одной стороны, византийский обряд венчания на царство придавал особую экзальтацию христианской вере любого русского монарха. С другой стороны, сакральная воля государя, помазанника Божьего, сама по себе воспринималась как непреложная. Именно этими далёкими от политического прагматизма, можно сказать экзистенциальными, обстоятельствами и объясняется контекст законов о невершении смертной экзекуции.

Создаётся впечатление, что решение императрицы о запрещении приводить в исполнение без Высочайшей конфирмации смертную казнь и политическую смерть касалось исключительно её отношений с её Богом. Подданным, а уже тем более «злодеям», чьи судьбы непосредственно зависели от этого решения, вообще ничего знать не полагалось. Как такового указа о моратории, снабжённого расширенными толкованиями и восхвалением монаршего милосердия, не было. На места поступили лишь полусекретные, никак не предназначенные для «объявления во всеобщее известие» инструкции с требованием представлять в Сенат экстракты дел о приговорённых к высшей мере наказания. Судьба таким образом помилованных колодников, спасение их грешных душ и возможное исправление императрицу совсем не занимали. Все они гибли если не под ударами кнута, то от непосильной каторжной работы на северном «острове Ровервик».

С другой стороны, Елизавета была непреклонна и бескомпромиссна в своём решении, мотивы которого раскрывать не считала нужным. Видимо, в соответствии с её пониманием христианских истин, не было ни иудея, ни эллина, и спасены были все, а не только избранные: смертью не казнили никого, вне зависимости от совершённого преступления. При этом под запрет попадала не только натуральная казнь, но и имитация её в виде «возведения на виселицу или положения на плаху», что для императрицы означало ритуал политической смерти. Театрализация лишения подданных жизни, очевидно, тоже входила в достигнутую со Всевышним договорённость.

Так рефлексия верующей императрицы в абсолютистской России за 20 лет до выхода в свет знаменитого трактата Ч. Беккариа с лёгкостью воплотила мечту философа, о которой Европа ещё только начинала рассуждать. Однако Елизавете Петровну и итальянского мыслителя разделяли не два десятилетия, а целая эпоха, и в моратории на смертную казнь в Российской империи воплотились не просветительские идеалы, а средневековая религиозность, с одной стороны, и уверенность самодержца в том, что государственный закон и его воля едины, – с другой. Приостановка экзекуций за тяжкие преступления не имела теоретических обоснований и никак не была связана с развитием юридического знания того времени. Любые рассуждения об ограничении публичности казни, переносе акцента со зрелищности расправы на торжество справедливости в суде⁵⁹, переходе от наказания тела к предотвращению повторного деяния и

⁵⁹ В историографии практически отсутствует сравнительный культурологический анализ зрелищности смертной казни в России и постепенного отхода от демонстративных экзекуций в Европе. Можно лишь отметить, что в соответствии с Соборным уложением публичность казни, используемой как средство мести и устрашения, считалась обязательной: «Смертные казни вершить в тех местах, где [воровские люди] воровали или, где они жили, чтоб на них смотря, иным не повадно было, а на пустых местах таких воров не вершить» (ПСЗ-I. Т. 1. № 431. С. 799.

прочие идеи, волнующие европейских философов и правоведов⁶⁰, мало занимали императрицу. Логика христианских заповедей⁶¹ напрямую привела её к хорошо известному вопросу: «И кто меня тут судьёй поставил, кому жить, кому не жить?». Решив, что лучшей благодарностью Богу будет отказ от смертной экзекуции⁶², русская императрица своей самодержавной волей не допустила ни одной казни и даже её имитации в виде политической смерти, а за несколько месяцев до собственной кончины вообще поставила вопрос о принципиальном изменении уголовного законодательства и, видимо, приведении его в соответствие с исповедуемой ею верой.

Однако современники и потомки не особенно вникали во всю сложность мотивов Елизаветы, вероятно до конца не понятных и ей самой. Двадцатилетний мораторий на высшую санкцию стал реальностью, и, может быть, этот факт побудил итальянского просветителя поставить вопрос: «является ли смертная казнь действительно полезной и справедливой в хорошо устроенном правлении». Во всяком случае, именно Ч. Беккариа один из первых с нескрываемым восхищением отзывался об «императрице Московии, подавшей отцам народов знаменитый пример, равный по меньшей мере многим победам, купленным кровью сынов Отечества». «Если только немногие общественные союзы и только на короткое время, – писал он в 1764 г., призывая в подтверждение своих мыслей историю только что закончившегося правления в России, – воздерживались от смертной казни, то это скорее говорит в мою пользу: такова участь великих истин – подобно молнии, озаряющих лишь на один миг мрачную ночь, которая окружает человечество»⁶³.

Императрица Московии никогда не узнает об этих словах, как не узнает и о влиянии, которое оказал мораторий на состояние умов её подданных. Как уже отмечалось, о приостановке смертной экзекуции не объявлялось, однако

22 января 1669 г.). В 1727 г. была предпринята попытка некоторой регламентации ритуала смертных экзекуций. Во-первых, в Петербурге со столбов и кольев убрали тела и головы – то, что осталось от преступников, захоронили. Во-вторых, запрещалось чинить смертные казни в обеих столицах, расправы следовало переносить за город в специально отведённые места, например, в северной столице для этого предназначались Московская и Выборгская сторона (ПСЗ-I. Т. 7. № 5118. С. 824. 10 июля 1727 г.; № 5155. С. 859. 17 сентября 1727 г.; Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. II. 1725–1740. СПб., 1873. С. 101). Как известно, последний указ часто игнорировался.

⁶⁰ См. об этом, например: *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999. С. 7–104; *Evans R.J.* Rituals of Retribution. Capital Punishment in Germany. 1600–1987. Oxford, 1996. P. 130–137 etc.; *Graff H.-J.* Crime and Punishment in the Nineteenth Century: a New Look at the Criminal // *Journal of Interdisciplinary History*. 1977. Winter.VII:3. P. 477–491; *Martschukat J.* Inszeniertes Töten: Eine Geschichte der Todesstrafe vom 17. Bis zum 19. Jahrhundert. Köln, 2000. S. 12–53; *Фридланд П.* От покаяния к устрашению: теория и практика высшей меры наказания во Франции раннего Нового времени // *Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.)*. СПб., 2011. С. 119–134; и др.

⁶¹ Характерно, что члены Синода даже при полном согласии с сентенцией не имели права подписывать смертные приговоры, «поелику они суть духовного чина» (См., например: ПСЗ-I. Т. 16. № 12241. С. 906–907. 15 сентября 1764 г.).

⁶² Собственно, подобная логика не являлась чем-то исключительным для России середины XVIII столетия. В.Н. Татищев в своде законов, регламентирующих труд на горном производстве, высказывал сходные мысли по поводу смертных приговоров, правда, он имел в виду только несправедливые: «Некоторые судьи, забыв страх Божий и вечную души своей погибель... на смерть или к лишению чести без всякого к тому надлежащего доказательства осуждают» (*Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. X. Т. 19–20. М., 1964. С. 490; *Татищев В.Н.* Заводской устав, или Горные узаконения // *Горный журнал*. 1831. Ч. 1. Кн. 2. С. 98(177)).

⁶³ *Беккариа Ч.* Указ. соч. С. 314–333.

в России сформировалось два поколения людей, не видевших эшафота. Профессия палача постепенно утрачивалась, как утрачивалось и умение соорудить виселицу, что подтвердили трагические события казни декабристов. У правящей элиты подсознательно возникала привычка к тому, что смертный приговор существует лишь на бумаге и публичные казни не являются главным условием поддержания порядка в обществе.

Ещё несколько десятилетий назад не вынутые из петель тела повешенных и прибитые тут же жестяные листы с перечислением их преступлений в назидание прочим были обычной картиной социального пейзажа России⁶⁴. Казалось, что волна бунтов и разбоев накроет страну, если не поселить в сознании подданных «потомственный страх», о котором во время подавления башкирского восстания писал генерал-лейтенант кн. В. Урусов⁶⁵. Первый русский обер-прокурор П. Ягужинский в специальной записке императрице Екатерине I предлагал направить одного из сенаторов в провинции и наделить его правом «смертью казнить, а пока сие в действо не будет произведено, то ни страху, ни порядку не будет»⁶⁶.

Всего за два десятилетия правящая и образованная элита уже вполне была готова к дискуссии о целесообразности высшей меры наказания и масштабов её применения, и произошло это не благодаря трактату Беккария, а в результате внутренней установки императрицы Елизаветы Петровны. Проницательный С.М. Соловьёв писал об этом: «Народ должен был отвыкнуть от ужасного зрелища смертной казни. Закона, уничтожавшего смертную казнь, не было издано: вероятно, Елизавета боялась увеличить число преступлений, отнявши страх последнего наказания; суды приговаривали к смерти, но приговоры эти не были приводимы в исполнение, и в народное воспитание вводилось великое начало»⁶⁷.

⁶⁴ Так, в январе 1726 г. было приказано казнить комиссаров Новгородской провинции Обо-нежской пятины Н. Арцыбашева, Г. Баранова и подьячего Я. Волоцкого: «Повесить в той Обо-нежской пятине и написать вины их на жести, прибить к тем виселицам и тел их с тех виселиц не снимать». Преступление, доведённое таким образом до сведения всех жителей, заключалось во взятках и хищении казны, в частности, в покупке хлеба за счёт средств из рекрутского подушного сбора и использовании уездных подвод без платежа прогонных денег (ПСЗ-I. Т. 7. № 4826. 24 января 1726 г.).

⁶⁵ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. X. Т. 19–20. С. 608.

⁶⁶ Записка П.И. Ягужинского о состоянии России // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. 4. С. 271.

⁶⁷ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. XI. Т. 21–22. С. 527.